

Роман Солнцев

СЛЫШУ...

Стихи разных лет

Ода скорости

Чудак человек! Снимите очки —
ребёнок во сне сжимает кулачки.
Он двигает ими, поборов скованность,
как будто переключает скорость.
Хоть мамино варенье и рядом школа есть —
снится Валерию скорость!
Ах, скорость! Она в крови у людей...
зисы срезаются на поворотах,
ракеты сходят с орбиты своей,
сгорают в подсолнухах, на огородах.
Ну что же, шляпы снимите, мужчины...
Валерка, скорость!

...Кузов машины.

Мимо леса летим. И завеса
пятен солнца щекочет висок.
Выплывает, как лить, из-за леса
ещё более дальний лесок!
Арба — старуха.
Лодка — старая.
Жарь возле уха,
плазмы струя!
Мы памятник скорости
поставим скорости:
вдоль постаментов черна черта,
на постаменте —
ни черта!..

Не одышки боюсь, не удушья,
а ужасно боюсь малодушья,
жарких слёз... как цыплёнка цеплянья —
за любимых, за неба сиянье...
Царь приди иль врачей три еврея,
застолбить не получится время.
Так пускай же, как белая рыбка,
на зубах засияет улыбка!
Мы не первые, мы не в последях...
Кто-то скажет: легко после этих.

Лицей

Дают звонок прощальный. Ученицы
красавицами стали — отвернись...
Ученики уходят, хмурят лица
лишь для тебя... их ждёт иная жизнь.
Да, Пушкина и Лермонтова помнят.
И про дуэли писаны эссе.
А ждёт их жизнь, весёлая, как подвиг!
Но почему ж столь беззащитны все —
и столь прекрасны? Иль глаза, учитель,
преображают тех, кого растил?
— Я вас люблю... но, милые, учтите:
порой страшнее шпаги — след чернил...
Страшнее пули — письмо во мраке...
Страшнее яда — ревностная месть...
Ведь ничего не изменилось, враки, —
кто нежен — гибнет. Было так и есть.

Красноярский сонет

От города тянуло смрадом,
тем ядом химии, теплом,
когда нет места ни дриадам,
ни феям в свете голубом.
Когда к тебе приносят на дом
повестку, в дверь стуча багром:
жить рядом людям, птицам, гадам
от силы год ещё... потом
останутся одни заводы
на огненном ветру свободы,
как шарфы распустив дымы...
А мы опять уйдём в пещеру
лепить безрукую Венеру —
насиловать привыкли мы.

Малиновая рубаша

Ложь на моих губах! Малиновых не сто
я износил рубах — всего одну. И то —
не хвастался я ею и вовсе не носил,
а лишь надеть, примерить однажды попросил.
В чулане, где задачников не нынешних гора,
и примус с талией осы, и два пустых ведра,
из ящика, где бабочки и ржавое ружьё,
достала мать рубаху. Ту самую. Её.
Таковую вот по праздникам носили мужики
и круглый год цыгане — стальные каблукки.
Вместо спецодежды она у них была...
Малиновая вылезла — как пламя из угла!
И я её примерил. И захватило дух...
Я словно загорелся весь. А мир вокруг потух.
И вышло — слов особенных ждут люди от меня...
И огляделся я. И устыдился я.
Остановились бабки и овцы у ворот,
слетелись все вороны на мамин огород.
Коль так уж нарядился — так, значит, есть резон?
А что скажу я: хвастаюсь? Я что скажу: влюблён?
...Но вновь её напялил я. Теперь я — бунтовщик,
товарищ Емельяна, слабужский мужик.
Горит она, родимая, как ветер мятежа,
как сотня красных петухов иль лезвие ножа!
По поясу верёвочка — сушёная змея...
Но тут я испугался, и огляделся я.
Стоит и с любопытством толпа глядит сюда.
А что скажу я людям? Мол, шутка? Ерунда?
Лишь в праздники народные иль в лютую беду
надену я малиновую, с соседями пойду.
(Иль слово вдруг великое росиночкой со лба...)
А просто так носить — нет, не моя судьба!
Я просто так не буду, не натяну зазря.
Шатры кочуют в мире. Качаются моря.
Сжимает рожь дорогу. Спит автоматов сталь...
А ну, кому померить? Нисколечко не жаль.

Памяти Е. К.

Чтоб не слышать этот вечный
гром, не слышать ржавый грай,
ты на дудочке на тоненькой
с улыбкою играй.
Даже если гром заглушит
и потянет жёлтый дым,
что играешь ты — увижу я
по пальчикам твоим...

Самое таинственное общество —
музыки классической любители,
нам всегда уединиться хочется,
чтобы криком, храпом не обидели,
пусть на чердаке, в любой обители,
где лишь пламя свечки нервно корчится,
мы сидим — да в небе вроде росчерка
Моцартову молнию мы видели, —
а виолончели, скрипки нежные
нас в миры уводят запредельные,
за моря зелёные безбрежные,
за поля угрюмые метельные,
но сосуды, так сказать, скудельные,
мы идём ослепшие, потешные,
при мерцанье музыки безгрешные,
позабыв редуты и котельные,
и сюда ворвись ОМОН, полиция:
что, мол, собрались и что тут слушали?..
кажется, и публика приличная,
спирт не пили и вино не кушали,
но спокойно разойтись не лучше ли?..
знаю и во сне все наши лица я —
гордо не ответим! Пусть измучили
где-то нам подобных! Плакать — лишнее...
Мы не назовём им ни Бетховена,
ни Чайковского, да и ни Моцарта!
Пусть потом все будем похоронены —
но смолчим! А эти будут досыта
бить нас! Только мозг майора Пронина
не поймёт нас! Ах, луна обронена
в реки золотые... в травах росы там...
Наше общество вспомнит Родина!

Я снова здесь, я всё приемлю:
речушку, берег, блеск змеи...
Рогульки, воткнутые в землю,
лиственной зелёною взросли...
Смеясь, мальчишка ест черешню,
меняет на крючке червя...
А я ловлю на хлеб вчерашний
тебя, русалочка, тебя.
Да, на вчерашнюю отраву —
любовь, печальную, как дождь...
так быстро смолкнувшую славу...
А надо, говорят, на ложь.

От бессонницы я изнемог.
Я кричу на друзей, на жену.
Я измучен, затравлен, как волк.
Да когда же я жить-то начну?
Некто ходит всю ночь наверху.
За стеною вопят день-деньской.
Выпал слух мне такой на веку.
Слышу — птица кричит за рекой.
Слышу — рушится город вдали.
Бродит, плачет бездомный народ.
Гром вселенский рычит мне: внемли.
Бог, раздвинувши звёзды, орёт.

Я встретил стрекозу — она среди краснотала
смотрела на грозу, сверкая, трепетала.
Здесь ползала змея, своё лаская тело.
Здесь муравьёв семья, как солнышко, кишела.
Я встретил пастушка и лошадей летящих.
Три голубых цветка сбил белогривый мальчик.
Я видел яркий сонм живущих в мире этом.
И это был не сон. Я к ночи стал поэтом.
И снился мне кентавр — лошадка с ликом девы,
под жаркий звон литавр Гомеровы распевы...
И море снилось мне, и среди звёзд колёса,
и люди на луне, сиянье сенокоса...